

улучшением экономической обстановки в стране, так и с реализацией основных положений структурной политики в регионе (Вып.3. С.104–110).

В целом сборник «Урал индустриальный» можно считать важным историографическим источником по истории индустрии Урала. На его страницах нашли отражение основные проблемы истории уральской промышленности. Исследователи проанализировали теоретические вопросы осмысления истории индустриального развития Урала, выделили главные этапы развития промышленности Урала и ее отдельных отраслей, остановились на особенностях развития каждой отрасли, проанализировали историю создания и деятельность некоторых предприятий. Из конкретных проблем истории уральской промышленности внимание исследователей привлекла история органов управления ею и экологические последствия промышленного освоения Урала.

*С.В. Воробьев
(Екатеринбург)*

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1922 г.: ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКА

Исторический источник является фундаментом любого исторического исследования, носителем фактов о прошлом. Из этих фактов историк как из кирпичиков складывает картину минувших событий и явлений, дает им оценку, делает выводы. Поэтому на исследователя лежит ответственность за правдивость и правильность освещения реконструируемой им эпохи, явлений и процессов и, что важнее всего — определения места и роли в них конкретного исторического персонажа. Чтобы не пойти по ложному пути, не попасть в паутину досадных и нежелательных ошибок, историк должен подвергнуть любой документ прошлого тщательной источниковедческой критике, иными словами доказать его достоверность, и лишь затем ввести его в научный оборот. Как совершенно справедливо отмечает известный источниковед О.М. Медушевская, «главная проблема, стоящая перед историком, — проблема достоверности»¹.

В источниковедческой литературе под достоверностью понимается «способность собранной информации верно отражать историческую действительность, охватывать особенности социальных явлений и процессов...»². При этом необходимо учитывать, что любой письменный источник несет на себе налет субъективности, так как является продуктом человеческой деятельности, созданным в определенной социальной среде и исторических условиях. Поэтому другое устоявшееся определение достоверности в отечественной исторической науке, учитывающее фактор субъективности, звучит следующим образом: «Достоверность ... следует понимать как необходимую и достаточную степень соответствия между явлением и его описанием в источнике»³. В связи с этим целесообразнее говорить о «степени достоверности» источника, чем о его полной достоверности или полной недостоверности.

Применительно к нашей теме исследования — реконструкции социального портрета коммуниста начала 1920-х гг. — это будет означать источниковедческий анализ того круга исторических источников на предмет их достоверности, которые позволяют решить поставленную задачу. Наиболее ценным и в максимальной степени отвечающим целям исследования источником являются материалы Всероссийской партийной переписи 1922 г. Первичные материалы партийной переписи 1922 г. относятся к виду статистических источников. Принято считать, что степень достоверности таких источников выше по сравнению, например, «с повествовательными и другими видами памятников»⁴. Таким образом, с точки зрения видовой принадлежности, можно сделать предположение об относительно высокой достоверности информации, содержащейся в первичных материалах переписи. С другой стороны, это не является автоматической гарантией их абсолютной достоверности. В этом смысле можно согласиться со следующим утверждением: «Классификация источников по виду не связана с решением проблемы достоверности источников. Видовой признак не является признаком достоверности, и на основании его не может быть оказано предпочтение одному источнику перед другим»⁵. Поэтому для окончательного решения вопроса о степени достоверности материалов партийной переписи 1922 г. необходимо подвергнуть всестороннему источниковедческому анализу сам этот источник.

Одним из этапов анализа является внешней критики источника, т.е. изучение обстоятельств его возникновения, цель создания, авторство. Значительное негативное влияние на степень достоверности источника оказывает, как известно, стремление его создателей представить в нем то или иное событие в выгодном для себя свете. Так как связь исторических источников, в

том числе и статистического характера, с жизненной реальностью, когда они выступают “как продукты целенаправленной деятельности человека” определяет их функциональный характер⁶, то необходимо понять какую цель ставили перед собой организаторы переписи. В случае партийной переписи 1922 г. все усилia ее инициаторов, как явствует из подготовительных материалов и подтверждается ходом самой переписи, были направлены на получение максимально правдивой и объективной картины состояния партии. В циркулярном письме ЦК РКП (б), посвященном переписи, на местные партийные организации и лиц, командированных ЦК для ее проведения, возлагалась ответственность “за срочное и аккуратное проведение переписи”⁷. Таким образом, со стороны организаторов не было желания сознательно исказить результаты переписи, не велся тенденциозный и целенаправленный подбор данных или их прямая фальсификация.

Возможные попытки искажения данных переписи могли иметь место со стороны переписного персонала и непосредственно опрашиваемых членов партии. Поэтому на этой проблеме следует остановиться подробнее.

Регистраторы, несомненно, были главными действующими лицами переписи. На них легла основная работа по непосредственному опросу коммунистов и заполнению переписных бланков. От их ответственности и добросовестности во многом зависел успех или неуспех переписи. В социологии существует мнение, что “опросные листы, заполненные не специалистами, а привлеченными лицами, вызывают меньшее доверие”⁸. Поэтому серьезное внимание партийное руководство уделило подбору и подготовке переписного персонала — устанавливались достаточно жесткие критерии для кандидатов на должности регистраторов. В условиях общей низкой грамотности населения найти подходящие кандидатуры было непростой задачей. Так как перепись являлась сугубо внутривнутрипартийным делом, то в первую очередь старались привлекать в качестве регистраторов коммунистов, знакомых со статистическим делом. Партийным комитетам предлагалось назначать на эту должность “хорошо грамотных членов партии..., работавших по переписи населения 1920 года”⁹. Но число таких коммунистов было незначительным и не покрывало всю потребность в персонале регистраторов. В связи с этим разрешалось привлекать к работе по переписи специалистов-статистиков из беспартийной среды для того, чтобы провести перепись “с возможною быстротою и надлежащей полнотою”¹⁰.

В качестве регистраторов привлекались также секретари партийных ячеек. Если они не могли выполнять эти функции, то привлекались в качестве помощников регистраторов, как лучше знающие состав членов своей ячейки¹¹. Также брали на работу в качестве регистраторов людей, имеющих достаточно высокий образовательный уровень: учителей, врачей, студентов рабфаков¹². Регистраторов набирали, как правило, в городах и только в крайних случаях в волостях, т.е. из среды сельских жителей¹³. В результате средний уровень образования регистраторов оказался выше, чем коммунистов. Людей со средним или незаконченным средним образованием среди них было свыше 37% против 2,2% у членов партии. Набранный штат регистраторов проходил предварительную подготовку. Перед началом переписи сотрудники статистических органов проводили с ними специальные занятия, на которых подробно разбирался каждый пункт основного переписного бланка “А”, чтобы избежать в дальнейшей работе “разного их понимания и толкования регистраторами”¹⁴.

В городе подготовка регистраторов осуществлялась в так называемом созванном совещании. Здесь им зачитывалась инструкция по проведению переписи, осуществлялось знакомство с переписными бланками, проводились пробные заполнения бланков¹⁵. Но далеко не всегда обучение проходило по полной программе. Во многих случаях проводилось только общее инструктирование и знакомство с бланками переписи, в ряде случаев ограничивались лишь прочтением инструкции¹⁶. В сельской местности подготовка регистраторов проходила чаще всего по упрощенной схеме: регистратор, как правило, не проходил централизованное обучение, поэтому качество и характер инструктирования полностью зависели от организатора, ответственного за перепись на данной территории¹⁷. В связи с этим, качество заполнения переписных бланков в городских парторганизациях оказалось выше. Под качеством подразумевается, в первую очередь, правильность заполнения бланков, т.е. внесение данных в соответствующую им графу. Нарушение этого требования могло стать техническим фактором, влиявшим на степень достоверности источника. Подобные нарушения наблюдались в ходе заполнения личного переписного бланка переписи. Однако, в ходе обработки данных нам удалось, опираясь на особенность структуры бланка “А”, которая позволяла сравнивать сведения из разных блоков, устранить явные ошибки

и искажения. Это касается сведений как количественного характера: возраста, рабочего и служебного стажа, времени пребывания в партии, так и качественных признаков, например, в отношении вопросов, касавшихся связи члена партии с деревней. По анкете на данные вопросы должны были отвечать только горожане или рабочие, зачастую на них отвечали и крестьяне. В этом случае ответы в унифицированную анкету не вносились. Также наблюдались случаи внесения в таблицу "Рабочий и служебный стаж" времени военной службы, такие графы приходилось изымать и переносить в соответствующую таблицу.

Некоторые "провалы" организационного характера и невысокий уровень подготовки штата компенсировались за счет система контроля за ходом переписи и качеством переписного материала. Устанавливалась ответственность (дисциплинарная и материальная) персонала переписи за качество ее результатов¹⁸. Полученный материал проходил многоуровневую проверку: регистраторы передавали заполненные бланки переписи участковым организаторам, которые осуществляли их проверку и в случае необходимости тут же на месте вносили исправления. После этого материал сдавался ими в уездную комиссию под расписку. В городах регистраторы сдавали материал для проверки непосредственно членам уездной комиссии¹⁹. Уездная комиссия вновь проверяла каждый бланк. Затем уездный организатор передавал весь материал по переписи в губернскую комиссию по переписи. Здесь данные переписи еще раз внимательно проверялись и исправлялись, составлялась общегубернская сводка. По завершении всех этих процедур материалы переправлялись в Статотдел ЦК РКП (б).

Представление об эффективности системы проверки можно получить на основании сохранившихся в архиве поуездных сводок "Замечаний по переписи членов РКП" по Екатеринбургской губернии. По Екатеринбургскому уезду переписной комиссией было забраковано 53 переписных бланка "А" (0,9% от общего числа), по Нижнетагильскому — 74 бланка (6,1%), Каменскому — 105 (8,2%), Алапаевскому — 8 (0,8%), Ирбитскому — 18 (1,4%), Шадринскому — 17 (0,7%), Красноуфимскому — 19 (1,4%)²⁰. Как видим, перед тем, как попасть в Москву материалы переписи проходили через сито серьезной проверки, что позволило обеспечить высокое качество информации.

Организаторы переписи для повышения ответственности персонала переписи помимо мер административного и организационного характера использовали материальные рычаги воздействия. Уездно-городские и волостные регистраторы получали зарплату за свой труд только после того, как сданный ими переписной материал тщательно проверялся уездными организаторами. За невнимательно или неправильно заполненные бланки "А" оплата не производилась. Сами уездные организаторы получали деньги за свою работу по результатам проверки материалов по уезду губернской комиссией²¹. За успешное и точное заполнение бланков уездные комиссии имели право поощрять регистраторов и организаторов. Они получали денежное или натуральное вознаграждение "в виде премии из оставшихся от общих сумм, отпущенных для переписи"²². Несомненно, подобная материальная заинтересованность стимулировала к добросовестному выполнению своих обязанностей сотрудников переписи и способствовала более качественному заполнению бланков.

Анализ организационных аспектов обстоятельств возникновения источника убеждает в том, что качественное проведение переписи стояло в центре внимания руководства партии. С их стороны прилагались максимальные усилия, чтобы получить достоверные сведения. Предпринятые организационные меры, хотя и не исключили полностью возможных погрешностей в заполнении переписных бланков, все же позволили свести их к минимуму. С этой точки зрения отмеченные недостатки не влияют на общую положительную оценку достоверности этого исторического источника.

Примечания

¹ Медушевская О.М. Историк и источники // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 195.

² Федорова Н.А. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: анализ статистической информации // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 122.

³ Каптанов С.М. О подлинности и достоверности актов источников // О подлинности... С. 24.

⁴ Усманов М.А. Некоторые вопросы источниковедческой критики документальных источников // О подлинности... С. 4.

⁵ Источниковедение истории СССР. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981. С. 13.

⁶ Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск, 1973. С. 137–140.

⁷ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 33.

⁸ Дробязева Л.М. Материалы конкретных социологических исследований как исторический источник (К постановке вопроса) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М., 1973. Вып. 1. С. 328.

⁹ ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.470. Л.77.

¹⁰ Там же. Л.33об.

¹¹ ЦДОО СО. Ф.76. Оп.1. Д.470. Л.75.

¹² Там же. Д.463. Л.2.

¹³ Там же. Д.470. Л.77.

¹⁴ ЦДООСО. Д.470. Л.76.

¹⁵ Там же. Л.77.

¹⁶ ЦДОО СО. Ф.76. Оп.1. Д.534. Л.44, 45.

¹⁷ Там же. Д.470. Л.72об.

¹⁸ ЦДООСО. Ф.76. Д.463. Л.33об.; Д.470. Л.78.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подсчитано по: ЦДООСО Ф.76. Оп.1. Д.463. Л.12, 12об., 13, 14, 22об., 23 об., 24, 25, 27 об., 28, 29, 32.

²¹ Там же. Ф.76. Оп.1. Д.470. Л.78.

²² Там же.

*А.Р. Заец
(Екатеринбург)*

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЗДАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА БРОНЕТАНКОВОЙ ТЕХНИКИ НА УРАЛЕ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

За прошедшие после Великой Отечественной войны годы бронетанковая техника изменилась коренным образом по номенклатуре, техническому уровню и боевой эффективности. Однако освещение этого развития в открытой исторической литературе по понятным причинам практически не происходило, а если вопросы послевоенной эволюции боевой техники и поднимались, то отрывочно. Речь, главным образом, шла о машинах 1950-х гг. Прорыв в изучении проблемы произошел в 1990-х гг., когда появился большой массив первоначально газетных и журнальных публикаций, а затем и книги по данной тематике.

В числе первых работ, осветивших состояние советской бронетанковой техники после Великой Отечественной войны необходимо отметить труд В.Д. Мостовенко¹, вышедший двумя изданиями в 1950-х г. и фактически положивший начало исследованию истории бронетанковой техники в СССР. Мостовенко главное внимание уделял техническому совершенствованию боевых машин, так как из-за существовавших ограничений не мог говорить о конструкторах, инженерах и производственном процессе. На протяжении 1960-х г. публикаций в открытой печати о современной боевой технике почти не было за исключением отрывочных сведений в технических и военных журналах. Однако в любом случае эти публикации касались созданных сразу после войны танков Т-44 и Т-54, и совершенно исключали сведения о том, кто и где создавал и строил эти танки. Несколько большую информацию о созданной после войны технике давала появившаяся в начале 1970-х гг. книга А.А. Бескурникова², но и в ней автор не мог себе позволить указать фамилии создателей бронетанковой техники, а также предприятия, на которых она разрабатывалась и производилась.

Большой шаг вперед в отечественной историографии бронетанковой техники был связан с именем И. Шмелева, сначала публиковавшегося в рубрике «Наш танковый музей» журнала «Техника-молодежи» в 1979–1982 гг., а затем выпустившего в 1984 г. книгу «Танки в бою»³. Именно из этих изданий широкая общественность узнала о существовании танка Т-72, хотя, опять же, ни конструкторы Уралвагонзавода, ни сам Уральский вагоностроительный в книге упомянуты не были. Между тем, в начале 1980-х гг. был издан закрытый справочник по советской бронетанковой технике, составленный Вараксиным. На его основе, предельно сжав и выхолостив содержание, В.С. Вознюк и П.Н. Шапов издали в 1987 г. книгу «Бронетанковая техника»⁴. В этом исследовании впервые были показаны тяжелые танки, созданные в СССР после Великой Отечественной войны, дана более подробная информация о послевоенных бронетранспортерах, боевых машинах пехоты и десанта, самоходных артиллерийских установках, упомянуты ремонтно-эвакуационные машины и тягачи на базе танков. Но при всех несомненных достоинствах в плане информации о бронетанковой технике книга не несла никаких сведений о ее создателях и производителях.

Таким образом, до начала 1990-х гг. вся опубликованная по послевоенному советскому танкостроению литература касалась лишь тактико-технических характеристик бронетанковой техники. Сведения о том, где и кем разрабатываются, какими предприятиями и в каком количестве строятся танки и самоходные артиллерийские установки, боевые машины пехоты и бронетранспортеры, оставались государственной тайной. 1990-е гг. открылись «Исторической серией» журнала «Техника-молодежи», посвященной советским послевоенным танкам⁵. Статьи были написаны С. Гранкиным и впервые в открытой печати были упомянуты конструкторские бюро, в